

**Текстовая изотопия:
языковой механизм реализации топики**

З. А. Игина

НЕЖИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению текстовой изотопии как языкового механизма реализации топики в тексте. Материалом исследования служит готический микрорассказ Т. Лиготти из серии «Сборник По». Для осуществления цели используется комплексный подход, основанный на методике А. Греймаса, дополненной У. Эко. В результате делается вывод, что изотопия может быть определена как гомогенная языковая реализация некого топоса (или нескольких) в тексте. Топос трактуется как схема аргументации или верификации структурно-тематического паттерна в тексте как коммуникативном пространстве. Сторонами коммуникации полагаются нарративные инстанции. Топос имеет формальную структурную реализацию и абстрактное содержание, представляя собой целостную знаковую сущность, указывающую на средоточие смыслов, релевантных всему тексту и отсылающих к другим текстам.

Ключевые слова: изотопия, контекст, сема, текст, топос.

УДК 811.111'42

Контактная информация: Игина Зоя Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии Нежинского

Игина З. А. Текстовая изотопия: языковой механизм реализации топики // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 44–59.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2016. № 1
© З. А. Игина, 2016

государственного университета им. Николая Гоголя (ул. Крапивянского, 2, Нежин, 16600, Черниговская обл., Украина, giza.simulacre@gmail.com)

Цель настоящей статьи – детерминация текстовой изотопии как языкового механизма реализации топики в тексте. Способы реализации целесообразно предварительно обозначить как единый механизм – совокупность состояний и процессов, из которых складывается явление [ТСРЯ, 2003, с. 584]; явление же в данном случае предлагается определять как собственно топику, реализованную лингвистически. Поскольку термин *детерминация* предполагает установление причин возникновения и проявления чего-либо [БТСРЯ, 2000, с. 254], то изотопия рассматривается в статье как объект изучения, онтологически явленный (в тексте) априори и проявленный по определению через нечто, гносеологически доступное научному наблюдению. Данное в неопределенности *нечто* предварительно полагается как салиентная (относительно других), более или менее акцентированная и рекуррентно реализованная в тексте некая совокупность языковых единиц. Для установления причин повторяемости следует выявить в тексте указанную совокупность и определить составляющие ее единицы во взаимодействии, что позволит увидеть обобщенную картину работы механизма. Задания, непосредственно связанные с целью статьи, состоят также в разъяснении интерконверсивных терминов (а именно *изотопия* и *топика*) и обнаружении принципов их взаимосвязи.

Термин *изотопия* образован от греческих слов ίσος – равный, прямой, ровный, и τόπος – место, местность [ГриРГС, 2000, с. 131, 250; НРС, 1980, с. 397, 751]. В составе других терминов морфема ίσ систематически указывает на равенство или же линейное распространение чего-либо: изоглосса (линия на лингвистической карте, показывающая территориальное распространение языкового явления), изоколон (деление высказывания на равные члены или ритмико-синтаксические отрезки), изосиллабический (равно-сложный), изоморфизм (параллелизм структурной организации разных уровней языка), изосинтагма (изоглосса синтаксических явлений). Морфема τόλ обозначает местность: топонимия (раздел лексикологии, изучающий географические названия), топонимика (совокупность географических названий местности), т. е. имеются в виду обозначения конкретных географических мест и наука об их изучении [СЛТ, 1969, с. 170, 473, 477].

Морфема τόλ является и корнем термина *топика* (τοπίκᾱ), обозначающего учение об общих местах – κοινῶι τόποι (мн. ч. от κοινός τόπος – общее место [НРС, 1980, с. 751]) – типовых положениях диалектических умозаключений, касающихся успешности оратора в споре, в частности того, насколько он искусен в извлечении необходимых ему аргументов из *общих*

мест – неких признаваемых правдоподобными знаний, уже имеющих наготове. Наряду с термином *топос* использовался также синонимичный ему *στοιχείον* (элемент диалектического силлогизма) – в противовес аналитическому силлогизму, – поскольку топос как признаваемое исходит, как было учтено выше, не из достоверных, а из правдоподобных посылок, и целью его использования оратором является не поиск истины, а победа в споре о прекрасном или постыдном, справедливом или несправедливом, о характерах, страстях, нравственных качествах. Важным топосом непротиворечивого ведения спора полагалось определение (речь, обозначающая суть бытия вещи) и умение его отыскать [Аристотель, 1978а, с. 349, 352–353; Аристотель, 2000, с. 98]. В качестве готовой эвристической формулы топос метафорически представлялся местом-складом [Махов, 2008, с. 264], или арсеналом, где нужно было искать аргументы как оружие (*arma*) для битвы в споре [Quintillian, 1989, р. 208–209]. Важность топоса (*locus communis*, или *locus topicus*) как *хранилища* готовых аргументов, таким образом, не столько в его потенциальной ценности, сколько в том, владеет ли оратор *искусством приискания* [Цицерон, 1994, с. 58], т. е. способен ли своевременно обнаружить данную ценность. Следовательно, *общность* и *тип* входят в набор ключевых слов для определения топоса как составного компонента топики. При этом, впрочем, не вполне обоснованно интерпретировать *τόπος* именно как *общее* место, так как приведенное выше словарное значение фиксирует лишь сущность, а не качество. Качество же (*общность*) обозначается как *κοινός* (*общее*). Топос – это спекулятивная, отвлеченная фиксация места как точки ментальной опоры, и его типичность еще надлежит обосновать, чтобы категоризировать как *общее*. Рассуждения о месте в «Категориях» [Аристотель, 1978б, с. 62–63] и «Метафизике» [Аристотель, 2002, с. 82–86] потенциально дают основание для размежевания по меньшей мере двух уровней, так как в «Категориях» место (топос) определено как непрерывное количество, линия соприкосновения тел и как собственно место, занимаемое телом / телами (место тел совпадает с телами *per se* и есть физическое конкретное нечто), в «Метафизике» же приводятся доводы в пользу того, что место (топос), понятое в терминах физической конкретики, когерентно не всем телам, и геометрические тела (например, линии) не занимают места в том же понимании, что физические тела (т. е. топос – не столько место, связанное с пребыванием тела (вещью), сколько с пониманием, что есть пребывание вещи).

Полученную из *ἴσος* и *τόπος* лексическую контаминацию можно истолковать в пределах таких вариантов, как равное (идентичное, такое же) место, прямая местность (дорога, линия), ровное место. *Равное место* предполагает наличие разновидностей, принадлежность к типу (равным можно быть чему-то), *прямая линия* – перспективу вперед и вдаль, *ровное место* – некий изначальный базис, *planus pēs*, т. е. основание, исходное положение,

принцип. Исходя из этого в первом приближении к осмыслению термина можно сделать допущение, что изотопия – это принцип линейного, прямого соединения неких фундаментальных элементов со схожими свойствами для построения общей, связующей перспективы. Линейность в данном случае понимается как рассмотрение элементов на основании таких же – исходя из других, рассмотренных ранее, т. е. выведение их свойств из релевантности друг другу. Релевантность элементов друг другу – устойчивый фактор, позволяющий выявить изотопию.

Именно фактор устойчивости учитывается при определении текстовой изотопии как постоянства иерархизированной классемной основы [Грейма, 2004, с. 137], однако данная дефиниция в контексте статьи пока не является ни экспликативной, так как нуждается в детальной проработке составляющих ее терминов, ни, тем более, репрезентативной, а скорее может быть экспериментально опробована как оперативная, поскольку все же дает грубое представление об изотопии как иерархии единиц, т. е. структуре, образованной по принципу изоморфизма. Корреляция терминов в словосочетании *иерархизированная классемная основа* предполагает некие базовые единицы (создающие основу чего-то) – классемы, объединенные в иерархию (иерархизированные).

Представляется совершенно необходимым разъяснить, что же такое *классема*.

Согласно наиболее общему определению [Там же, с. 65, 75] это контекстуальная сема, языковая единица больше слова (например, словосочетание, предложение), содействующая реализации *семных ядер* в контексте. Классема – общий знаменатель для контекстов с одним и тем же *смысловым эффектом*. Текст может рассматриваться как изотопный, если содержит одну или несколько классем и трактуется как масштабное означаемое, принадлежащее означаемой совокупности [Там же, с. 75–76, 100]. Из вышеизложенного следует, что, во-первых, классема – это разновидность семы (а значит, прежде требуется объяснение, что надлежит понимать под термином *сема* в данном конкретном случае), во-вторых, реализует *ядра*, в-третьих, является репрезентацией (общим знаменателем) контекстов, классифицированных в соотношении со *смысловым эффектом* (что также требует экспликации контекста и эффекта), в-четвертых, релевантна некой означаемой совокупности, причем под последней и следует, вероятно, понимать изотопию, ведь именно упомянутая совокупность идентифицирует текст как изотопный исходя из условия, что текст изотопен, если является означаемым означаемой совокупности.

Сема определяется как дифференцирующий элемент, различительная черта [Там же, с. 31] в структуре значения, где структура значения – наличие двух терминов и отношение между ними. Согласно данной трактовке, отношение, понимаемое как взаимодействие объектов, введенных в восприятие человека (терминов-объектов) [Там же, с. 26–27], есть необходи-

мое условие значения. Отношение одновременно прерывно и непрерывно, т. е. амбивалентно: является объединением и разделением объектов [Греймас, 2004, с. 26–27]. Любопытно, что при таком толковании наблюдается конвергенция, сочлененность терминов *топос* (интеграция тела и его локация и вместе с тем дезинтеграция, отделение тела от локация линией соприкосновения) и *структура значения* (не/прерывность отношений терминов-объектов). Основание, на котором проявляется их конвергенция в конкретном значении (здесь – единение-разделение), называется семантической осью [Там же, с. 29–31].

Место сем в структуре значения демонстрируется формулой $A(s_1) r B(s_2)$ [Там же]: если обозначить термины-объекты как A (топос) и B (структура значения), а семантическое содержание (семантическую ось) как S , то всю структуру можно записать как $A r (S) B$, т. е. A состоит в отношении (S) с B , где отношение между A и B предусматривает связку ‘состоит в отношении’ (r) и семантическую ось (S), однако семантическая ось может быть реализована в стольких элементах значения, сколько наличествует включенных в отношение терминов-объектов, и данные элементы трактуются как свойства терминов. Таким образом, $A r (S) B$ есть частный случай более общей формулы $A(s_1) r B(s_2)$, где (s_1) и (s_2) – семы. Семантическая ось соединяет элементы, которые могут быть выделены из сочлененности как некой целостности. Целостность рассматривается как обобщающая семная категория, относительно которой семы, размещенные на семантической оси, являются частями [Там же, с. 34, 40]. Ось, таким образом, – это необходимое структурное отношение, охватывающее как целостность (семную категорию), так и элементы (семы).

Для реализации значения необходим семный минимум, называемый также **семным ядром**, инвариантом значения или позитивным содержанием. Семы ядра находятся в иерархической, гипотаксической упорядоченности [Там же, с. 63], например: семы ‘локация’ и ‘пребывание’ являются, исходя из проведенного выше анализа дефиниций, семным ядром термина *топос*, и подчинение в данном случае объясняется тем, что одна из сем, ‘пребывание’, подразумевает пребывание чего-то где-то, что автоматически подчиняет ее другой семе, ‘локация’. Семное ядро, определяемое иерархическими отношениями между образующими его семами, также называется простым ядерным образованием и описывается формулой $Ns = (s_1 \rightarrow s_2)$ [Там же, с. 71], где Ns – ядро, s_1 и s_2 – семы.

Ядро как инвариант, элементарная структура значения, может реализовываться только в **контексте** – значащем окружении, вызывающем смысловые эффекты посредством влияния на ядро семных переменных, находящихся в данном окружении [Там же, с. 64]. Из процитированного выше [Там же, с. 65, 75] можно заключить, что семными переменными являются классемы, так как именно они влияют на ядро в контексте. Контексты могут быть объединены в контекстуальные классы при условии, что ядра

и классемы в совокупности всегда вызывают один и тот же смысловой эффект, например эффект узнавания семы 'линия' в контекстах, содержащих семное ядро 'равный + слово' в значащем окружении сведений о распространении разных языковых явлений на лингвистической карте. Классема при этом определяется как некий общий знаменатель (*dénominateur*), что может быть истолковано буквально как называющий, уравнивающий, обозначающий нечто как сходное [БТСРЯ, 2000, с. 250, 367]. Классема, следовательно, – элемент значения, сигнифицирующий, называющий наличие одного и того же ядерного образования во многих контекстах (т. е. уравнивающий контексты). Как сказано выше, классемой может быть любая языковая единица больше слова.

Смысловой эффект, как видно из предыдущего рассуждения, возникает на основании взаимодействия ядра и классемы. Ядро, уже обозначенное как *Ns*, вступает в отношение с классемой (*Cs*), в результате чего генерируется означающая совокупность и наблюдается смысловой эффект, называемый также семемой (*Sm*): $Sm = Ns + Cs$ [Греймас, 2004, с. 64–65]. Достаточно обширный класс контекстов можно свести к одной семеме, называемой построенной, – это единица содержания, не зависящая от ее словесной оболочки и контекстуального окружения [Там же, с. 122]. Значит, если признать, что отдельно взятые классемы в отдельно взятых контекстах образуют одну и ту же семему, то в контекстах (фрагментах текста или же нескольких текстов) работает механизм изотопии, например:

The Lady Ligeia is a woman of great beauty – dark hair, high forehead, striking eyes – and also great learning. Her husband, a man of only average looks and accomplishments, shares in her studies of occult wisdom, and to him it sometimes seems that he and his wife are treading on the boundaries of forbidden knowledge¹.

Эффект, возникающий при восприятии приведенного фрагмента, – оценка брака как неравного, т. е. брак Лигейи и ее мужа – мезальянс. Sm (мезальянс) = $Ns + Cs$. Классемы, образующие построенную семему, подчеркнуты. Женщина, леди Лигейя, представлена как особа незаурядной красоты и недюжинного ума, увлеченная серьезными опасными изысканиями ради овладения тайным знанием, а между тем ее безымянный муж едва ли может похвалиться какими-либо природными дарованиями и оканчивается, побаиваясь размаха интеллектуальных претензий жены, невольно втянут в странные занятия.

В следующем фрагменте та же семема строится на основании другого блока классем (подчеркнуто):

¹ Здесь и далее источником примеров является издание [Ligotti, 1985, p. 20–24].

From the very beginning there was perhaps something extraordinary about their marriage pact. (For instance, Ligeia kept her last name a secret from her mate, and he never pressed the issue, never questioned this arrangement.)

Брак здесь признается не вполне обычным, поскольку Лигейя скрывает от мужа свою девичью фамилию, а он, как ни странно, не интересуется, кем была его жена до замужества, причем, видимо, не от безразличия, а из опасений перед женой, т. е. из-за их изначального неравенства. Еще менее понятной выглядит любовь Лигейи – сильное чувство (подчеркнуто) к человеку, ей уступающему и признающему свое ничтожество (подчеркнуто):

When Ligeia is dying from an unknown disorder, her husband still doesn't understand what she sees in him. He feels unworthy of her love, which is incomprehensibly intense; he feels it entirely unmerited.

Семное ядро во всех трех фрагментах – *любовь Лигейи*, причем иерархия внутри ядра строится на том, что термин-объект *Лигейя*, в котором проявлена сема 'незаурядная женщина', находится в отношении подчинения термину-объекту *любовь*, в котором проявлена сема 'чувство к заурядному мужчине'. Таким образом, семема 'мезальянс' генерируется классемами трех контекстов, поскольку все они (по отдельности и вместе) изобличают брак незаурядного человека с заурядным. Последовательная рекуррентность классем при генерации одной и той же семемы – это изотопия.

Однако здесь возникает закономерный вопрос – изотопия чего? – ведь, следуя только что рассмотренной логике возникновения значения как отношения, для формирования семантической категории необходимы два термина-объекта. В таком случае наиболее простой и прозрачный ответ, лежащий на поверхности, – это термин *текст*, поскольку именно в тексте содержатся классемы (единицы больше слова) и семемы (совокупности классем и семных ядер). Еще один термин можно извлечь из того же контекста [Греймас, 2004, с. 99], что и термин *изотопия*. Это термин *дискурс*, понимаемый как сочетание лексем с целью коммуникации [Там же, с. 44]. Следовательно, изотопия текста (дискурса)?

Текст здесь полагается как единица больше предложения, содержащая по принципу изоморфизма единицы больше слова, т. е. классемы, однако представляет ли собой единственную семему, например, целый повествовательный текст? Может ли столь сложное образование содержать один смысловой эффект от сочетания некоего ядра с неким множеством классем? Можно ли, напротив, предположить, что изотопия – это изотопия взаимосвязанных семем внутри отдельно взятого текста, где текст – среда их реализации? Иначе говоря, изотопия – это способ реализации чего-то, образо-

ванного в тексте совокупностью, взаимосвязью семем? И если взаимосвязь семем происходит с целью коммуникации, то текст при этом является изотопным коммуникативным пространством, где находятся задействованные участники, умеющие опознать данное пространство как именно изотопное? Что значит это опознание практически?

Заданные вопросы возникли, разумеется, не впервые, поскольку размытость свойств изотопии была замечена ввиду ее соотнесенности с разными языковыми феноменами, и термин *изотопия* был обозначен как *зонтичный*, в основном указывающий на некую абстрактно понятую связность текста [Есо, 1984, с. 190], что согласуется с изначальной трактовкой изотопии как, обобщая первоисточник, комплекса семантических категорий, обеспечивающих гомогенное прочтение текста [Greimas, 1989, p. 540]. В частности, способ опознания объяснялся как объединенное (имеется в виду объединенное усилие участников коммуникации) прагматическое движение, абдуктивная схема [Есо, 1984, p. 189], т. е. способ рассуждения, ориентированный на поиск правдоподобных объяснительных гипотез. Поиск, следовательно, предполагает изучение языковых феноменов, на которые распространяется значение зонтичного термина *изотопия* [Ibid., p. 193–201].

1. Дискурсивные изотопии внутри предложений с парадигматической дизъюнкцией, зависящие от того, как истолковываются полисемантические лексические единицы, например:

*He has **willed** himself into her domain, from which no one ever escapes and which is the very source of the will itself.*

В данном фрагменте выделенное слово может трактоваться двояко: как ‘заставил’ и ‘применил особое умение’ (перенятое от Лигейи). Второе толкование возможно только при условии сформированного знания о способностях Лигейи, переданных ею мужу.

2. Дискурсивные изотопии внутри предложений с синтагматической дизъюнкцией, зависящие от референции, которая, в свою очередь, находится в прямой зависимости от выбора чего-то, называемого *topic* [Ibid., p. 194], например:

*His physical well-being doesn't sustain any serious damage, but his second wife's health, like her **predecessor's**, suddenly and inexplicably seems to be declining.*

Выделенное слово может быть истолковано как нечто (здесь имеется в виду здоровье), определяющее либо предшественницу в ряду браков мужа, либо болезненного предка в собственной (здесь – леди Ровены) генеалогии. Поскольку ни о каких предках второй жены в повествовании речь

не идет, несложно сделать вывод, что имеется в виду здоровье первой жены, Лигеи, предшественницы второй жены, Ровены.

3. Дискурсивные изотопии между предложениями с парадигматической дизъюнкцией, основанные на идентичном толковании некой полисемантической языковой единицы внутри одного контекста, например:

*That strange room he built for himself is perfect for **dreaming** in, and now he is **dreaming** quite strenuously, **dreaming** with every ounce of his will about his first wife, the Lady Ligeia. He also takes an immoderate amount of opium as an aid to his **dreaming**.*

Dreaming не указывает здесь ни на мечтание, ни на сон, ни на опийные галлюцинации, поскольку *спать, мечтать, быть под действием опиума* – это значит находиться в расслабленности, в то время как герой напряженно (*strenuously, with every ounce of his will*) работает над реинкарнацией первой жены, и *dreaming* контекстуально обозначает ‘духовное усилие’.

4. Дискурсивные изотопии между предложениями с синтагматической дизъюнкцией, где одно из значений языковой единицы или группы единиц контекстуально исключает другое внутри того же контекста, например:

*At the same time **the corpse of his second wife, Lady Rowena, seems to be exhibiting incredible signs of revived life** <...> This occurs off and on throughout the night and culminates in **the supernatural resurrection not of Lady Rowena, but of the Lady Ligeia**, whom the widower of both ladies has dreamed back to life.*

Выделенные фрагменты являются взаимоисключающими: при буквальном прочтении приходится признать, что оживший труп леди Ровены – это не вернувшаяся к жизни Ровена. Как при этом можно говорить об оживлении?

5. Нарративные изотопии, связанные с изотопическими дискурсивными дизъюнкциями, генерирующими взаимоисключающие истории. Под нарративом имеется в виду любое произведение, излагающее историю о событии; при отсутствии истории нет повествования [Данто, 2002, с. 223–224; Женетт, 1998, с. 67]. Предыдущий пример, таким образом, может иметь две трактовки в зависимости от *specific topic* [Есо, 1984, р. 197], что контролирует реализацию двух референтов на дискурсивном уровне, т. е. языковые единицы, выделенные в предыдущем примере, исключают друг друга: либо труп Ровены не ожил (и никакие признаки жизни, соответственно, невозможны), либо ожил (и возродилась, соответственно, Ровена).

6. Нарративные изотопии, связанные с изотопическими дискурсивными дизъюнкциями, генерирующими взаимодополняющие истории, которые опять же зависят от определенного выбора предметной гипотезы (once again, everything depends on the topic hypothesis [Eco, 1984, p. 198]). В примере 4 две дискурсивные изотопии, долженствующие исключать друг друга, вместе создают новый вариант истолкования, и оказывается, что Ровена, действительно, не возродилась, хотя ожил ее труп, но в ее теле воскресла Лигейя.

7. Нарративные изотопии, связанные с изотопическими дискурсивными дизъюнкциями, генерирующими дополняющие истории в каждом случае, т. е. независимо от того, какова предметная гипотеза (topic hypothesis), повествование в любом случае ведется о неких событиях и персонажах, что неизменно. Можно выбрать такой вариант трактовки, как в примере 4 (natural isotopy), а можно и как в примере 6 (alimentary isotopy) [Eco, 1984, p. 199].

8. Экстенциональные изотопии, предполагающие рассмотрение событий и персонажей в разных пространствах интерпретации, возможных мирах [Ibid., p. 200], где выбор мира определяет радикальные изменения, скажем, личностей персонажей, несмотря на то, что они могут носить одни и те же имена, например:

Lady Rowena is, in fact, not dead; nor is the Lady Ligeia alive. For all his efforts, their husband hadn't dreamed either of them anywhere but has succeeded only in dreaming himself out of one world and into another.

Один вариант личности: недалекий муж, боявшийся первой жены и использовавший вторую, оказывается в итоге закален горем и превращается в могущественного мага, воскресившего Лигейю, пусть и в теле Ровены. Второй вариант: муж, как и можно ожидать от слабого духом человека, перемещается, перенесенный волей Лигейи, в другой мир, т. е. он в этом мире не субъект действия, а объект.

Как можно заключить из приведенной классификации, то или иное толкование языковой единицы или группы единиц неизменно зависит от выбора так называемого предмета (topic), т. е. проанализированное выше равенство единиц рассматривается только относительно него. Термин *topic* (содержание, предмет текста, беседы; изначально – книга общих правил, от гр. *ta topika* (вопросы, касающиеся общих мест) и *topos* (место) [ODE, 2010, p. 1875]), использованный для обозначения прагматического инструмента верификации гипотезы, или же абдуктивной схемы [Eco, 1984, p. 189, 194, 197, 199, 201], согласуется с рассмотренной выше риторической трактовкой топоса, общего места или ментальной опоры, помогающей аргументировать или верифицировать гипотезу, эвристической формулы для изобретения мысли, а также самой мысли, найденной

при помощи формулы. Изотопия, исходя из этого, определяется как способ проверки в тексте предварительно высказанной гипотезы, уровень (дискурсивный или нарративный в рассмотренных выше значениях) вероятного семантического соответствия текста гипотезе (actual textual verification of tentative hypothesis, level of possible semantic actualization of the text) [Eco, 1984, p. 189]. Другими словами, изотопия – это гомогенность языковых единиц, реализующих в тексте некий топос (или несколько). Топосом же является схема аргументации или верификации гипотезы, высказываемой и проверяемой сторонами коммуникации относительно содержания текста как изотопного коммуникативного пространства. Сторонами коммуникации могут быть, например, нарративные инстанции, или уровни нарративной коммуникации [Schmid, 2010, p. 34]: автор, читатель (и их типы), нарратор и его адресат.

Все иллюстративные фрагменты, рассмотренные выше, обнаруживают способ верификации гипотезы о возможности сверхъестественного события, а именно соприкосновения простого человека, вполне от мира сего, с такой выдающейся и зловещей личностью, как Лигейя. Условия подобной встречи привычного с неведомым распространяются на множество текстов, принадлежащих к готической традиции.

Готическая традиция систематически ассоциируется с пересечением границ реального мира, т. е. привычной для людей среды обитания, основывается на идеях неведомого, воплощающего сверхъестественный ужас, и охватывает неоднородные формы художественного творчества (от произведений XVII–XVIII вв. вплоть до постмодернистских текстов), воспроизводящие в различной степени аутентичности элементы содержания средневековых баллад, ренессансной литературы и фольклора [Botting, 2005, p. 4–10]. Традиционность этих идей может быть аргументирована тем фактом, что, появляясь в художественных произведениях разных жанров и форм, они не требуют специального пояснения, а являются (на повседневном уровне) интуитивно понятными, так как сформированы в результате передачи из поколения в поколение. Готической же традиция названа по аналогии с готическим романом – жанровой контаминацией высокого романтизма и псевдомедиевизма [Birkhead, 2008, p. 29–39]. Одна из сквозных готических идей, представленная во фрагментах выше и связанная с фигурой демонической женщины, интерпретируется как *топос призрачного женского зла* (topos of spectral female iniquity) [Blair, 2002, p. 13], однако термин *топос* имеет в данном случае иное значение, отличное от уже эксплицированного.

Целесообразно в этой связи специфицировать эволюционные аспекты термина *топос* в плане реализации асимметричного дуализма, поскольку означаемое, в разное время обозначенное как *топос*, имеет расхождения с античной трактовкой. В частности, под *топосом* понимался [Curtius, 1953, p. 80–83] не столько правдоподобный аргумент, сколько указание

на нечто архетипически узнаваемое, фундаментальный модус или отношение существования, традиционный, повсеместно повторяющийся тематический паттерн в искусстве, в том числе литературе (например, любовь, старость, противостояние природы и человека, материнская жертвенность), а также стилевой паттерн (например, аффектированная скромность рассказчика, предписывающая уничтожение последним собственного таланта для создания позитивного образа простого человека, вызывающего доверие). В данной трактовке топос – герменевтическая конструкция [Компаньон, 2001, с. 241], устойчивая смысловая схема, предпосланная творческому акту и не являющаяся элементом произведения; топос может выполнять функцию образа, мотива, символа, аллегии, но никогда не тождествен им, поскольку существует вне произведения, во внеличностных культурных глубинах [Махов, 2008, с. 264–265]. Также следует упомянуть истолкование топосов как пространственных признаков и их сочетаний, несущих в себе семантику вещиности и конкретности фабульного действия, где фабула понимается как аспект повествования, рассмотренный с позиции причинно-следственной и временной обусловленности изложенных событий [Силантьев, 2002, с. 33, 46].

Внеличностность топоса, впрочем, стала объектом критики, так как, в отличие от фикциональной литературной, аргументативная прагматическая речь как объект внимания риторики сугубо конкретна. Отмечалась также неправомерность переноса значения ‘расхожее клише’ (commonplace) на риторический термин [Махов, 2008, с. 265], инициально, о чем уже было сказано, обозначавший совершенно иное. К тому же стереотипно повторяющиеся элементы, затем выделяемые в литературных произведениях, более напоминали оппонентам мотивы и архетипы, чем *topoi* античной риторики. Таким образом, при трактовке топоса как отвлеченного тематического или стилевого паттерна – некоей *пустой формы* – делался (и далее обнаруживался при критическом анализе) акцент на преимуществах традиций латинской античности в европейской культуре в ущерб индивидуальным отличиям разных эпох и литературным произведениям этих эпох [Компаньон, 2001, с. 241; Prince, 1995, p. 128].

Следовательно, *призрачное женское зло* (тематический паттерн, архетип) может быть опознано как топос только согласно последней изложенной трактовке (литературоведческой), но не аристотелевской, риторической. Но что если предположить, что это особое зло (впрочем, являющееся частным случаем *неведомого*) не просто надлежит воспринимать как абстрактную идею, традиционно передаваемую из поколения в поколение, но попытаться, к примеру, представить ее допустимой, для чего верифицировать как действительную, соответствующую некоему правдоподобию преставлению в тексте, принадлежащему к определенной литературной традиции? При таком понимании топос предстанет не только схемой аргументации / верификации, но схемой аргументации / верификации

установленного паттерна, имеющего формальную структурную реализацию (на уровне предложения, нескольких предложений, более крупных фрагментов нарративного текста, как это показано выше) и отвлеченное содержание (например, встреча реального и вызывающего ужас неведомого). Последнее может обрести конкретные реализации в отдельно взятых текстах путем разных способов аргументации и верификации, предпочитаемых непосредственно задействованными нарративными инстанциями. Следовательно, возможно ли полагать, что топос как герменевтическая конструкция и топос как прагматический инструмент аргументации / верификации являются планами целостной знаковой сущности, указывающей на общее место, релевантное всему тексту и отсылающее, по-видимому, за его пределы, к другим текстам? Не претендуя на окончательность формулировки, автор предлагает оставить для выявленного феномена термин *топос*, однако определять его с опорой как на риторическую, так и на литературоведческую трактовку, а именно как схему аргументации структурно-тематического паттерна в нарративной коммуникации.

Список литературы

- Аристотель*. Топика // Аристотель. Соч.: В 4 т. / Под ред. З. Н. Микеладзе. М., 1978а. Т. 2. С. 347–553.
- Аристотель*. Категории // Аристотель. Соч.: В 4 т. / Пер. с др.-гр. А. В. Кубицкого. М., 1978б. Т. 2. С. 51–91.
- Аристотель*. Риторика / Пер. с др.-гр. О. П. Цыбенко. М., 2000.
- Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Пер. с др.-гр. А. В. Кубицкого. СПб.; Киев, 2002. С. 29–475.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
- Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминной. М., 2004.
- ГриРС – Греческо-русский и русско-греческий словарь / Сост. А. В. Сальнова. М., 2000.
- Данто А.* Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. М., 2002.
- Женетт Ж.* Фигуры / Пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной, И. Иткина, С. Зенкина, Н. Перцова, И. Стаф, Г. Шумиловой. М., 1998. Т. 2.
- Компаньон А.* Демон теории: литература и здравый смысл / Пер. с фр. С. Зенкина. М., 2001.
- Махов А. Е.* Топос // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 264–266.

- НРС – Новогреческо-русский словарь / Сост. И. П. Хориков, М. Г. Малев. М., 1980.
- Силантьев И. В.* Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 32–60.
- СЛТ – Словарь лингвистических терминов / Сост. О. С. Ахманова. М., 1969.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.
- Цицерон.* Топика // Эстетика: Трактаты, речи, письма / Пер. с лат. А. Е. Кузнецова. М., 1994. С. 56–81.
- Birkhead E.* The Tale of Terror. Charleston, SC: BiblioBazaar, LLC, 2008.
- Blair D.* Introduction // Gothic Short Stories. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions, 2002. P. 8–27.
- Botting F.* Gothic. N. Y.: Routledge, 2005.
- Curtius E. R.* European Literature and the Latin Middle Ages / Translated from German by W. R. Trask. N. Y.: Bollingen Foundation Inc., 1953.
- Eco U.* Semiotics and the Philosophy of Language / Ed. by T. A. Sebeok. Translation from Italian. Houndmills. Basingstoke. London: The Macmillan Press Ltd, 1984.
- Greimas A. J.* On Meaning // New Literary History / Translated from French by P. Perron, F. Collins, 1989. Vol. 20. № 3. P. 539–551.
- Ligotti T.* A Selection of Poe // Fantasy and Terror. 1985. No. 6. P. 20–24.
- ODE – Oxford Dictionary of English / Ed. by A. Stevenson. OUP: Oxford, 2010.
- Prince G.* Notes on the Categories ‘Topos’ and ‘Disnarrated’ // Thematics Reconsidered. Essays in Honor of Horst S. Daemmrch. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1995. P. 127–133.
- Schmid W.* Narratology: An Introduction / Translated from German by Alexander Starritt. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010.
- Quintilian.* Institutio Oratoria / Translated into English by Harold Edgeworth Butler. Harvard University Press, 1989. Vol. 1.

Article metadata

Title: Topoi Realized in Text: Linguistic Mechanism of Isotopy

Author: Z. A. Igina

Author's e-mail: giza.simulacre@gmail.com

Author affiliation: Nizhyn Gogol State University

Abstract. The article is dedicated to studying isotopy as a linguistic mechanism of realizing topoi in text, namely a Gothic microstory by T. Ligotti from «Selection of Poe». The analysis is based on Greimassian structural methodology, reconsidered by U. Eco. Consequently, it is stated that isotopy is a homogeneous linguistic realization of a certain topos (or topoi) in text. Topos is an argu-

mentation-verification scheme of some structural-thematic pattern in text, where the latter is treated as communicative space inhabited by communicative agents, inter alia, narrative authorities. Topos has an abstract speculative meaning and can be recognized by its formal textual realization.

Key terms: isotopy, context, seme, text, topos.

Reference literature (in translation):

Aristotle. Kategorii [Categories]. *Aristotle. Sochineniya [Aristotle. Writings]*: In 4 vols. A. V. Kubickiy (transl.). Moscow, 1978b, vol. 2, p. 51–91.

Aristotle. Metafizika [Metaphysics]. *Aristotle. Metafizika. Perevody. Kommentarii. Tolkovanija [Aristotle. Metaphysics. Translations. Commentaries. Interpretations]*. A. V. Kubickiy (transl.). St. Petersburg, Kiev, 2002, p. 29–475.

Aristotle. Ritorika [Rhetoric]. O. P. Cybenko (transl.). Moscow, 2000.

Aristotle. Topika [Topic]. *Aristotle. Sochineniya [Aristotle. Writings]*: In 4 vols. Z. N. Mikeladze (ed.). Moscow, 1978a, vol. 2, p. 347–553.

Birkhead E. *The Tale of Terror*. Charleston, SC: BiblioBazaar, LLC, 2008.

Blair D. Introduction. *Gothic Short Stories*. Ware, Hertfordshire, Wordsworth Editions, 2002, p. 8–27.

Botting F. *Gothic*. New York, Routledge, 2005.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Large definition dictionary of Russian language]. S. A. Kuznecov (ed.). St. Petersburg, 2000.

Cicero. Topika [Topic]. *Estetika: traktaty, rechi, pis'ma [Esthetics: treatises, speeches, letters]*. A. E. Kuznecov (transl.). Moscow, 1994, p. 56–81.

Compagnon A. *Demon teorii: literatura i zdavyj smysl [Demon of the theory: literature and common sense]*. S. Zenkin (transl.). Moscow, 2001.

Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. W. R. Trask (transl.). New York, Bollingen Foundation Inc., 1953.

Danto A. *Analiticheskaja filosofija istorii [Analytical philosophy of history]*. A. L. Nikiforov, O. V. Gavrishina (transl.). Moscow, 2002.

Eco U. *Semiotics and the Philosophy of Language*. T. A. Sebeok (ed.). Translation from Italian. Houndmills. Basingstoke. London, The Macmillan Press Ltd, 1984.

Genette G. *Figury [Figures]*. E. Vasil'eva, E. Gal'cova, E. Grechana, I. Itkin, S. Zenkin, N. Percov, I. Staf, G. Shumilova (transl.). Moscow, 1998, vol. 2.

Greimas A.-J. On Meaning. *New Literary History*. P. Perron, F. Collins (transl.), 1989, vol. 20, no. 3, p. 539–551.

Greimas A.-J. *Strukturnaja semantika: poisk metoda [Structural semantics: search of the method]*. L. Zimina (transl.). Moscow, 2004.

Grechesko-russkij i russko-grecheskij slovar' [Greek – Russian and Russian – Greek dictionary]. A. V. Sal'nova (comp.). Moscow, 2000.

Ligotti T. A Selection of Poe. *Fantasy and Terror*, 1985, no. 6, p. 20–24.

Mahov A. E. Topos [Topos]. *Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij [Poetics: dictionary of topical terms and concepts]*. Moscow, 2008, p. 264–266.

Novogrechesko-russkij slovar' [Greek – Russian dictionary]. I. P. Horikov, M. G. Malev (comp.). Moscow, 1980.

Oxford Dictionary of English. A. Stevenson (ed.). Oxford, OUP, 2010.

Prince G. Notes on the Categories 'Topos' and 'Disnarrated'. *Thematis Reconsidered*. Essays in Honor of Horst S. Daemmrich. Amsterdam, Atlanta, Rodopi, 1995. P. 127–133.

Quintilian. *Institutio Oratoria*. Harold Edgeworth Butler (trasl.). Harvard University Press, 1989, vol. 1.

Schmid W. *Narratology: An Introduction*. Alexander Starritt (trasl.). Berlin, New York, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010.

Silantev I. V. Motiv kak problema narratologii [Motive as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], 2002, no. 5, p. 32–60.

Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. O. S. Akhmanova (comp.). Moscow, 1969.

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Definition dictionary of Russian language]. D. V. Dmitriev (ed.). Moscow, 2003.